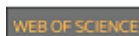

Юдина Т. В. «Дискурс Музиля»: некоторые аспекты лингвистического эксперимента / Т. В. Юдина, В. О. Федоровская // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 185—205. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-185-205.

Yudina, T. V., Fedorovskaya, V. O. (2020). “Musil’s Discourse”: Some Aspects of a Linguistic Experiment. *Nauchnyi dialog*, 3: 185-205. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-185-205. (In Russ.).

УДК 81-13:811.112.2Musil.093

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-185-205

«ДИСКУРС МУЗИЛЯ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

© Юдина Татьяна Владимировна (2020), orcid.org/0000-0003-2649-0370, доктор филологических наук, профессор кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» (Москва, Россия), twyudina@rambler.ru.

© Федоровская Виктория Олеговна (2020), orcid.org/0000-0002-3255-1750, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет) (Москва, Россия), v.fedorovskaja@inbox.ru.

Статья посвящена роли эксперимента в процессе формирования дискурса как лингвистического явления. Объектом исследования выступает дискурс, инициированный крупнейшим австрийским писателем XX века Робертом Музилом. Целью исследования является дискурсивный анализ филологических и литературно-критических интерпретаций романа «Человек без свойств», представляющего собой центральный фрагмент «дискурса Музиля». Отмечается, что дискурс Музиля, разворачивающийся во временном континууме продолжительностью в столетие, формируется многочисленными участниками, представляющими различные группы субъектов: литературоведов, писателей, культурологов, психологов и литературных критиков. Особое внимание уделяется bipolarности структуры дискурса Музиля как его основной характеристике. Показано, что новое направление развитию дискурса Музиля задал ведущий немецкий критик Марсель Райх-Раницкий. Представлены результаты анализа дискурса Музиля на уровне его содержания, а также на уровнях стратегий и средств реализации. Определены основные стратегии исследуемого фрагмента дискурса — стратегия деконструкции и стратегия консервации, реализуемые в тактике инвективы, тактике позитивной презентации и тактике поддержки. Доказано, что лежащая в основе романа «Человек без свойств» идея эксперимента транслируется на дискурс Музиля в целом и превращает уже его в объект эксперимента.

Ключевые слова: литературное произведение; литературный эксперимент; германстика; литературная критика; дискурс Музиля; дискурсивная стратегия.

1. Введение

Существуют объекты, остающиеся в центре внимания на протяжении длительного времени. Интерес к ним побуждает субъектов дискурсивных практик формулировать многочисленные высказывания, следующие друг за другом, выстраивающиеся в длинные цепочки и формирующие определенный дискурс. Процесс его формирования в таких случаях охватывает значительный временной промежуток. В этом смысле интересным примером является одно из крупнейших литературных произведений XX века — роман австрийского писателя Р. Музиля (1880—1942) «Человек без свойств», инициировавший бурную дискуссию, которая длится на протяжении целого столетия и формирует как бы особый «дискурс Музиля». Его выстраивают литературоведы и культурологи, психологи и литературные критики. Если говорить об актуальной ситуации, то дискурс Музиля практически вышел за рамки литературного, литературно-критического или научного, о чем свидетельствуют, например, публикации в прессе. Так, в критической статье, опубликованной «Spiegel Online Plus» в августе 2019 года, нынешний министр иностранных дел Германии Хайко Маас был назван «Der Mann ohne Leidenschaften» (человек без страстей) [Hoffmann et al., 2019]. Это определение, вынесенное в заголовок статьи, является ссылкой к знаменитому роману, парафразом его заглавия и демонстрирует актуальность звучания.

Целью нашего исследования является дискурсивный анализ филологических и литературно-критических интерпретаций романа «Человек без свойств». Особое внимание уделяется роли ведущего немецкого критика XX века Марселя Райх-Раницкого в развитии так называемого дискурса Музиля. Научная новизна исследования предположительно состоит в выявлении основной характеристики дискурса Музиля — его биполярности — и описании обусловленных ею дискурсивных стратегий и тактик. Корпус исследования составляют литературно-критические эссе и литературные комментарии в прессе.

2. Литературный эксперимент Музиля и его последующая «деконструкция»

На стадии своего становления, в начале XX века, наука психология привлекала внимание многих выдающихся людей из сферы искусства и литературы. Конкретное активное участие в университетском обучении и в психологических экспериментах принимали, в частности, Райнер-Мария Рильке и Роберт Музиль. Р. Музиль, окончив военное училище и получив затем инженерное образование, поступил в Берлинский университет для

изучения психологии, философии и физики (годы учебы: 1903—1908). В это время интерес ряда ученых был сконцентрирован на исследовании органов чувственного восприятия (аудитивного и визуального) в их единстве. В указанный период проводилось много экспериментов с оптическими приборами, в том числе исследование глазомера. Практические занятия в университете были посвящены вопросам как пространственного, так и временного восприятия, выявлению способности к абстрактному мышлению и обобщениям, классификации психических функций, целостности сознания и разнообразным формам бессознательного, см.: [Bonacchi, 1992]. Что касается непосредственно психологии, то в этот же период происходило распространение метода психоанализа и становление гештальт-психологии, восприятие которой прослеживается в творчестве Музиля. С. Бонакки ссылается на упоминание в книге «Principles of Gestalt Psychology» выдающегося ученого-психолога Курта Коффки, вышедшей в 1935 году, о беседах с его сокурсником: «I remember an episode in my student days. A colleague of mine with whom I was going home asked me the question: “Have you any idea where the psychology we are learning is leading us?” I had no answer to that question, and my colleague, after taking his doctor degree, gave up psychology and is today a well-known author» [Bonacchi, 1992, S. 54] («Вспоминаю эпизод из своей студенческой жизни. Один мой сокурсник, с которым мы вместе шли домой, задал мне вопрос: “Ты хотя бы представляешь себе, куда психология, которую мы изучаем, нас ведет?” Мне было нечего ответить, а мой сокурсник после получения степени доктора забросил психологию и стал знаменитым писателем») (здесь и далее перевод выполнен нами. — *Т. Ю., В. Ф.*). С. Бонакки предполагает, что речь в этом отрывке шла именно о Роберте Музилье, тем более что в те годы Коффка и Музиль жили в Берлине по соседству в районе Прагерштрассе.

Следует обратить внимание на тот факт, что, уже имея инженерное образование, в период учебы в институте психологии Берлинского университета Роберт Музиль принимал самое непосредственное участие в экспериментальной работе, которая в тот период строилась прежде всего на основе разнообразных измерительных процедур. Идея измерения, конструирования, экспериментирования была очень близка писателю. В описаниях героев и ситуаций романа «Человек без свойств» исследователи отмечают особое внимание к изображению деталей зрительного и слухового восприятия. Тексты Музиля насыщены описаниями соответствующих феноменов, оптических и акустических эффектов.

Если касаться вопроса восприятия, то хотелось бы отметить, что дискурсивное пространство, вторичное по отношению к исходному тексту,

его развертывание есть также результат восприятия первичного текста. Это восприятие отражается на вербальном уровне и в дискурсивных практиках. Сложность и комплексность дискурса Музиля присутствуют, возможно, уже в той исходной точке и исходном ракурсе, который был задан самим автором.

Взаимосвязь эксперимента и литературного действия, на которую обращает внимание К. Хоффманн [Hoffmann, 1997; Hoffmann, 2000], пронизывает весь роман. Хоффманн отмечает особое внимание Музиля к технике самонаблюдения и подчеркивает, что вся биография Музиля и образование, полученное им (в том числе военное и инженерное), концентрировались на идее конструирования, измерения и экспериментирования. Сам же Хоффманн в качестве центрального вопроса, опираясь на теорию Мишеля Фуко, исследует процесс письма как формуацию знания («wie sich Schreiben zur Formation des Wissens verhält») [Hoffmann, 2000, S. 4]. Он ссылается при этом на опыты по самонаблюдению и самоанализу, проводившиеся в институте психологии Берлинского университета, в которых принимал участие Музиль.

Борису Эйхенбауму принадлежит структуралистское по своему методу исследование под названием «Как сделана “Шинель” Гоголя» [Эйхенбаум, 1919]. Можно сказать, что роман Музиля — это также сконструированный текст с очень широким и глубоким подтекстом, умело заданный дискурс, не получивший завершения. Однако и н ф и н и т н о с т ь мы рассматриваем как раз как одну из определяющих характеристик дискурса. Незаконченность романа символизирует инфинитность дискурса как его основного признака (в этом заключается в предлагаемой интерпретации отличие дискурса от текста).

Примечательно в данной связи предположение Фризе [Frisé, 1987], полагающего, что якобы и сам Музиль хотел просто оборвать произведение, а в качестве эпилога представить фигуру главного героя Ульриха, который комментирует все, опубликованное ранее. Тем самым создается экспериментальная поэтическая модель, что созвучно эпистемологической практике экспериментальной психологии в том виде, как она проводилась в Берлинском университете в начале XX века. Музиль конструирует мир своих героев через эксперименты, соблюдая принцип антропоцентричности, субъектоцентричности. Он аккумулирует знания о многих достижениях науки своего времени и непосредственно использует эти знания в литературном творчестве.

Хотелось бы подчеркнуть важную особенность дискурса Музиля, продолжение которого инициировал Райх-Раницкий своими полемическими и

отчасти провокационными тезисами в 80-х годах XX века. Дискурс Музиля является по своей структуре биполярным, построенным на контрастах и созвучен в этом смысле языковым приемам, которые использует в романе сам автор. Если говорить о контрастах, представленных в романе, то здесь правомерно выделить такие противопоставления, как рациональное — иррациональное, реальность — гипотетические возможности, индивидуальность — всеобщность. Исследователи отмечают, что чувство реальности и рационализм в романе воплощает отец Ульриха, в то время как сам Ульрих полон иррациональных черт и склонен к иллюзиям. В этом смысле широкое использование конъюнктива интерпретируют как противопоставление индикативу реальности. Работа над чисто языковой стороной произведения, отношение к грамматической норме и языковым стандартам связаны с глубокой рефлексией этих явлений. Об этом свидетельствуют дневниковые записи Музиля: «Ich las gerade Freud, *Zur Einführung des Narzissmus*, und so fiel mir der Zusammenhang mit Ichgefühlen auf. Diese bedingungslose Liebe zu den Sprachfehlern u. in weiterem Sinn Gewohnheiten weist auf den nahen Zusammenhang von Sprache und Ich hin. Die Grammatik ist der Geist der Allgemeinheit, bzw. ein wichtiger Teil davon» [цит по: Mülder-Bach, 2011, S. 173] («Я как раз читал Фрейда, “К введению в нарциссизм”, что привлекло мое внимание к связи с ощущениями “Я”. Эта безусловная любовь к языковым ошибкам и в широком смысле к привычным ощущениям указывает на тесную взаимосвязь языка и «Я». Грамматика — это дух универсальности или же важная ее часть»).

Соответственно отклонение от языкового стандарта и, в частности, активное использование австрицизмов означает для автора сохранение своей индивидуальности, которую необходимо защищать: «wenn man grammatisch falsch schreibt <...>, so verteidigt man das gewöhnlich bis aufs Blut u. entdeckt unerschöpfliche Vorzüge seines Fehlers» [цит по: Ibid.] («если пишут грамматически неверно <...>, то обычно защищают это до крови и открывают неисчерпаемые достоинства своей ошибки»).

Итак, данное произведение само по себе может рассматриваться как интеллектуальный дискурс (см. [Gangl, 2007]), в котором отражаются научные поиски и художественные направления, прежде всего первой трети XX века. В последующие годы наблюдалась его активная рецепция в новых общественно-исторических условиях и методологических подходах в рамках гуманитарного знания. Отсюда следует, что процессы, характеризовавшие восприятие литературного наследия Музиля, самым непосредственным образом созвучны идее «археологии знания», которая рассредоточена в трудах М. Фуко [Фуко, 1994; Фуко, 1996; Фуко, 2012].

Тема расколотого сознания, которая волновала Музиля в период между двумя мировыми войнами, обрела новую актуальность в 50-е годы XX века, в период глубокого осмысления событий Второй мировой войны. С этого времени начинается новая рецепция романа в гуманитарных науках. К произведению обращаются филологи, психологи, культурологи и философы. Дополнительный импульс этой рецепции в перспективе литературной критики придал Марсель Райх-Раницкий, самый авторитетный критик страны, оказывавший значительное влияние на конвенции литературно-критического дискурса Германии, подробнее см.: [Федоровская, 2017; Юдина и др., 2019].

3. Дискурс Музиля в литературной критике

Эксперимент, который был так важен для Музиля, нашел продолжение в экспериментальной идее Марселя Райх-Раницкого. Ведущий литературный критик Германии второй половины XX века, по сути, предложил деконструкцию романа.

Дискурс в настоящей работе вслед за М. Фуко понимается как «совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования» [Фуко, 2012, с. 206]. Можно утверждать, что дискурс Музиля создавался в бывшей Западной Германии взаимодействием трех групп участников: писателей, литературоведов-германистов и литературных критиков. Анализ дискурса мы осуществляем с опорой на метод, позволяющий проследить три взаимодействующих между собой уровня: уровень содержания, уровень стратегий и уровень средств реализации [Wodak, 1998, S. 71].

3.1. Уровень содержания.

Анализ уровня содержания дискурса Музиля, в центре которого находится роман «Человек без свойств», позволяет выделить следующие базовые составляющие:

- объем романа,
- энциклопедичность романа (картина австрийского общества в период между двумя мировыми войнами),
- проблема законченности / незаконченности романа,
- перегруженность романа деталями, философскими рассуждениями и описаниями,
- грамматичность / стандарт — нарушение нормы / окказиональность в романе,
- новаторство Музиля при создании романа,
- читательская рецепция романа.

Отношение критика к творчеству Музиля является амбивалентным. С одной стороны, Райх-Раницкий высоко оценивает работы писателя в целом. Он относит Музиля наряду со А. Шнитцлером, Т. Манном, А. Дёблином, Ф. Кафкой, К. Тухольским и Б. Брехтом к крупнейшим представителям немецкоязычной литературы XX века и видит их особое новаторство в стремлении сблизить литературу и науку [Reich-Ranicki, 2002b, S. 9—11]. При этом Музиля он называет исследователем глубинной психологии (*psychologischer Tiefenforscher*), уделяющим особое внимание психической стороне сексуального и находящим соответствующие языковые средства для художественно-эстетического воплощения этой сферы [Ibid., S. 11]. С другой стороны, о «Человеке без свойств» Райх-Раницкий дает отрицательный отзыв, полагая, что роман ознаменовал собой «крах великого рассказчика» [Reich-Ranicki, 2002a, S. 202]. Таким образом, контрасты и противопоставления, присутствующие в самом романе, получают продолжение в последующем литературно-критическом дискурсе.

В полемических статьях Райх-Раницкого объектом жесткой критики становятся немецкие германисты. Основная направленность критики деятельности германистов сводится к тезису, что представители «индустрии Музиля» (*Robert-Musil-Industrie*) превращают роман в культ, но в то же время они как будто бы скрывают произведение от широкой читательской аудитории и препятствуют его критичному рассмотрению [Ibid., S. 171—172]. Полагая, что роману «Человек без свойств», несмотря на его недостатки, необходимо вернуть массового читателя, Райх-Раницкий предлагает провокационный путь решения этой проблемы: издание дайджеста романа.

В этом смысле анализ содержательного уровня дискурса позволяет выделить дополнительные базовые составляющие:

— негативная роль литературной германистики в сохранении наследия Музиля,

— необходимость создания дайджеста романа.

3.2. Уровень стратегии.

Под стратегией в контексте анализа дискурса мы понимаем направленный на достижение определенной цели план действий, которые могут быть как осознанными, так и в известной мере автоматизированными [Wodak, 1998, S. 75]. В соответствии с таким подходом анализ дискурса Музиля позволяет выделить две основные стратегии: 1) стратегию консервации (оправдания), 2) стратегию деконструкции.

Пространством реализации данных стратегий становится, прежде всего, медийный дискурс. Центральное место в этом дискурсивном действии

занимает опубликованный 6 ноября 1980 года, в день столетия Р. Музиля, в «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» краткий комментарий «Musil 100», в котором формулируется тезис об отрицательной роли германистики в сохранении наследия Музиля. Райх-Раницкий вносит провокационное предложение издать дайджест романа «Человек без свойств», что, по его мнению, является единственным способом «вернуть» роман читателю, то есть обеспечить произведению широкую читательскую аудиторию [Reich-Ranicki, 1980, S. 25]. Райх-Раницкий избирает *дискурсивную стратегию деконструкции культа романа «Человек без свойств»*, выступающую частной реализацией стратегии деконструкции.

Прием интеллектуальной провокации, использованный Райх-Раницким, оказывается действенным. Комментарий «Musil 100» становится дискурсивным событием — он инициирует диалог, в который включаются другие участники дискурса — писатели и ученые. Они в большинстве своем выступают в качестве оппонентов Райх-Раницкого и используют *дискурсивную стратегию сохранения культа романа «Человек без свойств»*, являющуюся частной реализацией стратегии консервации. Столкновение дискурсивных стратегий четко прослеживается на уровне средств реализации.

3.3. Уровень средств реализации.

3.3.1. СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОЙ СТРАТЕГИИ ДЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТА РОМАНА «ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ».

Дискурсивная стратегия деконструкции культа романа «Человек без свойств» сопряжена с дискредитацией, объектами которой выступают: 1) роман «Человек без свойств», 2) германисты-литературоведы, занимающиеся изучением творчества Музиля. Под дискредитацией мы вслед за А. В. Ленец и Д. С. Сергеевой понимаем «негативное воздействие на достоинство личности, подрыв доверия к ней, умаление ее авторитета и значения» [Ленец и др., 2018, с. 103]. Реализация стратегии осуществляется путем применения тактики «кинжektivа», целью которой является оскорбление, унижение противника [Там же, с. 104]. Тактика реализуется в используемых Райх-Раницким [Reich-Ranicki, 1980, S. 25] аргументах и средствах образности.

Дискредитация деятельности германистов выражается в тезисе № 1 «Потеря интереса к творчеству Музиля является следствием непрофессионализма германистов». К этому выводу читателя подводят соответствующими аргументами, на основе которых он должен сам сформулировать тезис:

Аргумент 1.1. «Роберт Музиль является жертвой немецкого литературоведения». Вопрос *Ist Robert*

Musil, der heute hundert Jahre alt geworden wäre, ein Opfer der deutschen Literaturwissenschaft? [Ibid.] (Не является ли Роберт Музиль, которому сегодня исполнилось бы сто лет, жертвой немецкого литературоведения?) открывает комментарий Райх-Раницкого. Метафора «*Opfer der deutschen Literaturwissenschaft*» (жертва немецкого литературоведения), несущая отрицательную коннотацию, является оскорблением, поскольку противопоставляет привычному образу рационального ученого, исследующего некий предмет в опоре на объективные научные методы, образ агрессивного палача / хищника, уничтожающего свою жертву. Синтаксическое оформление аргумента в виде вопросительного предложения является апелляцией к адресату, средством вовлечения его в диалог.

Аргумент 1.2. «Литературоведы словно оградили роман “Человек без свойств” колючей проволокой» развивает тему непрофессионализма германистов. Сравнение *Die Literaturwissenschaftler haben dieses Werk gleichsam mit Stacheldraht umgeben* (Литературоведы словно оградили это произведение колючей проволокой) рождает ассоциацию с узником, в роли которого выступает роман, и стражниками, которыми становятся литературоведы. Делая противоречащее задачам литературоведения утверждение о попытках немецких филологов осложнить доступ к роману, критик дает отрицательную оценку их работе.

Аргумент 1.3. «Германисты, исследующие роман, превращают его в культ, одновременно скрывая от читателей». Утверждение *Die Literaturwissenschaftler haben dazu beigetragen, dass der Roman zwar immer wieder respektvoll erwähnt und bisweilen ausgiebig gerühmt, doch überhaupt nicht gelesen wird* [Ibid.] (Благодаря деятельности литературоведов о романе неизменно упоминают с почтением, подчас щедро хвалят, но совершенно не читают) является еще одним доводом, обосновывающим контрпродуктивную деятельность германистов.

Дискредитация романа происходит в рамках обоснования тезиса № 2 «Обеспечить широкую читательскую аудиторию роману “Человек без свойств” можно только путем издания его дайджеста». Здесь Райх-Раницкий также ведет воображаемый диалог с адресатом, вовлекая его в процесс оценки.

Аргумент 2.1. «Фундаментальное произведение немецкой прозы в конечном счете невозможно читать». Райх-Раницкий предлагает читателю самостоятельно сформулировать аргумент 2. 1., проанализировав последовательность чередующихся вопросов и ответов: *Ein fundamentales Werk der deutschen Prosa, ein Jahrhundertroman?*

Ganz bestimmt. Und ein letztlich ungenießbares Buch? Leider trifft auch dies zu [Ibid.] (Фундаментальное произведение немецкой прозы, роман столетия? Наверняка. И в конечном счете книга, которую невозможно читать? К сожалению, и это так).

Аргумент 2.1.1. «Чтение романа напоминает мучительное путешествие по пустыне от одного оазиса к другому, которое может осилить только мазохист (германист)». Утверждение приводится в поддержку аргумента 2.1. Сравнение романа с пустыней, скрывающей множество чудесных оазисов (*Der Mann ohne Eigenschaften*) *gleicht einer Wüste mit vielen herrlichen Oasen* [Ibid.] («Человек без свойств» напоминает пустыню со множеством чудесных оазисов), несет выраженную негативную оценку, поскольку подразумевает, что наличие удачных эпизодов не достаточно для признания удачным романа в целом. Провокационный эффект аргументации усиливает параллель между мазохистами и германистами (*Die Wanderung von einer Oase zur nächsten ist bisweilen qualvoll. Wer nicht Masochist ist (oder Germanist), der kapituliert*) [Ibid.] (Странствие от одного оазиса к другому подчас мучительно. Осилить его способен только мазохист (или германист)).

Аргумент 2.2. «Издание дайджеста романа (тома объемом 400—600 страниц, включающего лучшие эпизоды) поможет сделать его известным для широкой аудитории» предлагает решение проблемы и содержит само провокационное предложение.

Аргумент 2.3. «Немецкая литература XX века не настолько богата шедеврами, чтобы позволить себе отказаться от романа Музиля» примечателен тем, что содержит высокую оценку романа. Однако в контексте аргументации (предложения издать роман в сокращенной версии) он выступает инструментом дискредитации.

Аргумент 2.4. «Издание дайджеста романа означает его спасение» содержится в последнем предложении статьи: *Rettet den „Mann ohne Eigenschaften“* [Ibid.] (Спасите «Человека без свойств»). Употребляя глагол *retten* (спасать), Райх-Раницкий возвращается к метафоре узника и вновь напоминает о необходимости воспрепятствовать деструктивной деятельности ученых-литературоведов. Формулировка аргумента в повелительном наклонении является призывом к дискуссии.

3.3.2. Средства реализации дискурсивной стратегии сохранения культа романа «ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ».

Провокационное предложение Райх-Раницкого о создании дайджеста романа находит отклик у целого ряда писателей и ученых. Они вступа-

ют в дискуссию с критиком и становятся новыми участниками дискурса о Музиле. «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» посвящает дискуссии двухполосную рубрику «*Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften*» («Образы и времена: Роберт Музиль. “Человек без свойств”»), включающую комментарии девяти писателей и эссеистов: В. Кёппена, З. Ленца, Г. Манна, В. Йенса, Г. Блёкера, Г. Бургера, М. Билера, П. Хэртлинга, Х. Бинека [Bilder und Zeiten ..., 1980].

Участники дискуссии избирают стратегию сохранения культа романа «Человек без свойств», которая реализуется (1) в тактике позитивной презентации романа и деятельности германистов и (2) в тактике «инвектива» (= дискредитации идеи дайджеста). Оппонентами Райх-Раницкого становятся восемь участников дискуссии. Поддерживает предложение критика лишь Голо Манн [Mann, 1980, S. 1], избирающий тактику поддержки идеи дайджеста.

Конфронтация двух дискурсивных стратегий происходит, прежде всего, на уровне аргументации. Опровергая аргументы Райх-Раницкого, оппоненты, по сути, осуществляют «дискредитацию дискредитации» (см. табл. 1).

Таблица 1

Конфронтация дискурсивных стратегий и тактик
на уровне аргументации

Стратегия деконструкции культа романа (М. Райх-Раницкий)	Стратегия сохранения культа романа (другие участники дискурса)
1. Тактика инвективы в отношении деятельности германистов	1. Тактика позитивной презентации деятельности германистов
Роберт Музиль является жертвой немецкого литературоведения.	Благодаря деятельности германистов творчество Музиля было сохранено и спасено для потомков (В. Йенс).
Литературоведы словно оградили роман «Человек без свойств» колючей проволокой.	Благодаря деятельности германистов вообще и А. Фризе в частности роман «Человек без свойств» был издан как единое произведение (В. Йенс). Благодаря интернациональной германистике в наследии Музиля открываются новые грани, и противоречивый роман «Человек без свойств» становится более понятным (В. Йенс).
2. Тактика инвективы в отношении романа	2. Тактика позитивной презентации романа
Фундаментальное произведение немецкой	Слава «Человека без свойств», являющегося романом столетия, неоспорима (З. Ленц, В. Кёппен).

Продолжение табл. 1

Стратегия деконструкции культа романа (М. Райх-Раницкий)	Стратегия сохранения культа романа (другие участники дискурса)
<p>прозы в конечном счете невозможно читать.</p>	<p>Многочисленные описания, портреты, эпизоды, рассуждения и детали составляют богатство романа (Х. Бинек, В. Кёппен, Г. Манн). Роман представляет собой «энциклопедию всего австрийского» (Х. Бинек). Трудности в восприятии романа могут быть обусловлены субъективными факторами (возрастом, душевным состоянием, жизненными обстоятельствами) читателя (З. Ленц). Незавершенность романа является следствием его экспериментального характера (Г. Блэккер, В. Йенс).</p>
<p>Чтение романа напоминает мучительное путешествие по пустыне от одного оазиса к другому, которое может осилить только мазохист (германист).</p>	<p>Роман не предполагает тактики прочтения «от корки до корки» в силу своей структуры и рассчитан на многократное обращение читателя к тексту (Х. Бинек, Г. Блэккер, П. Хертлинг). Ценность «эпических пустынь», которые являются неотъемлемой частью романа, возможно сознать только в контексте всего романа (Г. Блэккер, З. Ленц).</p>
<p>3. Тактика позитивной презентации дайджеста</p>	<p>3. Тактика инвективы в отношении дайджеста</p>
<p>Обеспечить широкую читательскую аудиторию роману «Человек без свойств» можно только путем издания его дайджеста. Издание дайджеста романа означает его спасение.</p>	<p>Издание дайджеста смертельно для романа Музиля, так как разрушит дух произведения (Г. Блэккер). Издание дайджеста лишит роман «эпических пустынь», которые являются неотъемлемой частью произведения (Г. Блэккер, З. Ленц). Для понимания каждого отдельного предложения необходимо знание контекста всего произведения, чего не дает дайджест (Г. Бургер). Роман Музиля является большим фрагментом, который в силу его природы невозможно сократить (Г. Бургер).</p>
<p>Издание дайджеста романа (тома объемом 400—600 страниц, включающего лучшие эпизоды) поможет сделать его известным для широкой аудитории.</p>	<p>Альтернативы дайджесту: Издание полного текста романа в более удобном для читателей формате (10—15 томов в мягкой обложке) (Г. Бургер, В. Кёппен). Издание романа в сокращенной версии (М. Билер, Х. Бинек, В. Йенс). Повторное прочтение романа в оригинале (З. Ленц, П. Хертлинг). 4. Тактика поддержки (= позитивной презентации) идеи дайджеста романа (Г. Манн)</p>

Окончание табл. 1

Стратегия деконструкции культа романа (М. Райх-Раницкий)	Стратегия сохранения культа романа (другие участники дискурса)
	<p>Одним читателям дайджеста для знакомства с романом будет достаточно, других он побудит прочесть все произведение.</p> <p>Дайджест будет способствовать знакомству с Музилом, до сих пор остающимся мифом, в который верят, ничего точно не зная о нем.</p> <p>Издание дайджеста романа не должно отрицательно сказаться на его популярности.</p> <p>Не все хрестоматии имеют низкое качество.</p>

Таким образом, оппоненты Райх-Раницкого:

— отмечают созидательную роль германистики в сохранении наследия Музиля;

— отдают должное масштабности романа и его экспериментальному характеру;

— признают сложность романа, но подчеркивают при этом, что ознакомление с произведением не обязательно должно сводиться к прочтению от начала до конца;

— в большинстве своем придерживаются мнения, что дайджест означает уничтожение романа;

— предлагают более щадящие текст подлинника альтернативы.

На уровне средств образности дискурс разворачивается, в первую очередь, за счет развития либо трансформации метафоры странствия по пустыне. Содержащий метафору аргумент 2.1.1 имеет в своей основе гедонистический критерий оценки художественного произведения, заключающийся в увлекательности книги, возможности получения эстетического наслаждения от ее прочтения [ср. Heydebrand et al., 1996, S. 129]. Оппоненты Райх-Раницкого опровергают этот аргумент путем развития метафоры. Так, З. Ленц отмечает, что превращение романа в дайджест означает лишение его «эпических пустынь»: *Um dem "Mann ohne Eigenschaften" <...> ins Annehmbare zu bringen, sollen Kapitel, die die Geduld strapazieren, gestrichen, soll der Roman sozusagen um seine epischen Wüsteneien gebracht werden* <...> [Lenz, 1980, S. 1] (Чтобы придать «Человеку без свойств» <...> приемлемую форму, нужно вычеркнуть главы, испытывающие терпение, **нужно лишить роман, так сказать, его эпических пустынь** <...>). Однако оценить обещания оазиса сможет лишь тот, кто преодолел пустыню: *daß*

nur der die Verheißungen einer Oase richtig einschätzen kann, der sich zuvor durch Wüste bewegt hat [Ibid.] (что оценить обещания оазиса сможет лишь преодолевший пустыню). Таким образом, пространные пассажи и описания романа, разделяющие «оазисы», являются его неотъемлемой частью.

В. Кеппен трансформирует метафору странствия по пустыне в образ увлекательного, но трудного восхождения на пугающую вершину, осилить которое смогут только самые упорные энтузиасты: *Das Buch ist ein Gebirge geworden, das erschrickt. Gipfel der Leselust, überraschende Fernsichten, ein Panorama der Welt, vergrabene Schätze, doch auch Talwanderungen nur für die Beharrlichkeit besonderer Enthusiasten* [Koeppen, 1980, S. 1] (Книга превратилась в пугающую гору. Вершину любви к чтению с поражающими видами, панорамой мира, скрытыми сокровищами и в то же время странствиями по долинам, которые под силу лишь самым упорным энтузиастам).

П. Хертлинг называет процесс чтения романа бесконечной экспедицией, полной открытий, загадок и грусти от того, что завершить путешествие невозможно: *eine Expedition ohne Ende, reich an Entdeckungen, Verwirrungen, Rätseln; und an der Trauer, niemals anzukommen* [Härtling, 1980, S. 2] (бесконечная экспедиция, полная открытий, заблуждений, загадок, а также печали от того, что завершить путешествие невозможно).

Средства образности используются с целью выражения положительной оценки замысла Музиля, отражения масштабности романа и его экспериментального характера. Х. Бинек и Г. Блэкнер полагают, что роман нужно воспринимать и читать как энциклопедию. Х. Бинек называет «Человек без свойств» энциклопедией всего австрийского / *Enzyklopädie alles Österreichischen* [Bienek, 1980, S. 2]. Г. Блэкнер сравнивает роман с лабораторией рассказчика, с экспериментальной площадкой: *Stattdessen werden wir zum Eintritt in ein erzählerisches Laboratorium aufgefordert, zum Betreten einer großen Versuchsstätte <...>* [Ibid.] (Вместо этого нас приглашают войти в лабораторию рассказчика, ступить на порог огромной экспериментальной площадки). Читателю необходимо осознать проникновение экспериментаторского духа, свойственного естественным наукам, в область литературы, в современный роман: *Die Experimentiergesinnung der Naturwissenschaften hat Einzug in den modernen Roman gehalten — das ist das geistesgeschichtliche Ereignis dieses Buches, und dem muß der Leser sich stellen* (Экспериментаторский дух, свойственный естественным наукам, проник в современный роман — в этом заключается значение книги в контексте истории духа, и читатель должен с этим смириться) [Ibid.]. Именно экспериментальным характером объясняется тот факт, что роман не мог быть завершен: *Daß ein solches Erzählwerk nicht vollendet werden*

konnte <...>, liegt unabweisbar in seinem Experimentalcharakter begründet [Ibid.] (То, что подобное произведение завершить было невозможно <...>, объясняется его экспериментальным характером). Мнение Г. Блэкера о близости романа духу естественных наук разделяет Г. Бургер [Burger, 1980, S. 2]. Метафоре «жертва германистики», которую Райх-Раницкий употребил в отношении Музиля, противопоставляется метафора спасенного: *Musil — ein Beinah-Opfer der Philologie? Ganz gewiß nicht. Eher ein Geretteter* [Jens, 1980, S. 1] (Музиль — чуть ли не жертва филологии? Конечно, нет. Скорее, спасенный).

Пейоративно окрашенные метафоры используются с целью дискредитации идеи дайджеста: *Verletzung der Dichtung* / оскорбление литературы [Koeppen, 1980, S. 1], *geschminktes Monstrum* / накрашенный монстр, *Schreckensgestalt* / персонаж из кошмара [Jens, 1980, S. 1], *kulinarische Ausgabe* / кулинарное издание [Lenz, 1980, S. 1], *Potpourri* / попури [Jens, 1980, S. 1; Blöcker, 1980, S. 2]. М. Билер использует для обозначения сокращенной версии романа метафору ампутации. Идею дайджеста он дискредитирует, прибегая к пейоративным метафорам «косметика» (*Kosmetik*) и «ограбление трупов» (*Leichenfledderei*): ***Keine Kosmetik, sondern Amputation, keine Leichenfledderei, sondern den unverfälschten Text vom Beginn bis zum zweiten Buch, 15. Kapitel*** [Bieler, 1980, S. 2] (***He косметика, а ампутация, не ограбление трупов***, а неискаженный текст от начала до второй книги, до 15-й главы). Дискредитация идеи дайджеста в некоторых случаях сопряжена с дискредитацией персоны Райх-Раницкого, в отношении которого употребляются пейоративно окрашенные наименования лица: ***Die Popularisierer, einmal am Werk, kennen kein Erbarmen — am Ende werden nur noch Potpourris gespielt*** [Jens, 1980, S. 1] (***Популяризаторы***, взявшись за дело, не знают сострадания — в конце концов начинают исполнять только попури).

4. Заключение

Проанализированный материал дает основание рассматривать интенсивное обсуждение романа Музиля во второй половине XX века как один из фрагментов так называемого дискурса Музиля, начало которому было положено самим романом. Это обсуждение строится по классическим образцам формирования дискурса. Оно представляет собой цепочки высказываний, тексты, которые порождают последующие тексты и концентрируются прежде всего в пространстве литературной критики. Центральной фигурой при этом становится Райх-Раницкий, который в значительной степени определяет основные позиции бурной полемики.

Дискурс Музиля, разворачивающийся во временном континууме продолжительностью в столетие, формируется многочисленными участниками, представляющими различные группы субъектов: литературоведов, писателей, культурологов, психологов и литературных критиков.

Новое направление развитию дискурса Музиля задал Марсель Райх-Раницкий, выдвинувший провокационный тезис о необходимости «спасения» романа для широкой читательской аудитории путем издания его дайджеста. Опирающийся на консервативные критерии литературный критик не смог оценить по достоинству новаторский, экспериментальный подход Музиля, сутью которого стали незавершенность романа и отсутствие четкой композиционной структуры. Сформулировав идею дайджеста, Райх-Раницкий совершил попытку деконструкции конструкта, созданного Музилем, что, однако, неожиданным образом стало частью дискурса Музиля. Экспериментальная по сути идея дайджеста стала продолжением эксперимента, начатого Музилем.

Дискурс Музиля, заданный самим автором, интересным образом происходит на инициированную Райх-Раницким дискуссию. Точками сопряжения на содержательном уровне здесь являются: законченность — незаконченность романа, грамматичность / стандарт — нарушение нормы / окказиональность / индивидуальность — всеобщность. Незавершенность романа сопрягается с полифонией мнений относительно его судьбы, изображение расколотого сознания в романе — с расхождениями в оценках и поляризацией мнений специалистов.

На уровне стратегии биполярность дискурса выражается в конфронтации стратегии деконструкции культа романа «Человек без свойств» и стратегии сохранения культа романа, которые воплощаются в применяемых субъектами дискурса тактиках: тактике инвективы, тактике позитивной презентации, тактике поддержки. Тактики реализуются в цепочках аргументов, а также в трансформации ключевых метафор и сравнений: чтение романа как мучительное странствие по пустыне от оазиса к оазису vs. как увлекательная экспедиция; германисты-стражники (роман-узник, Музиль — жертва германистов) vs. германисты-спасители, дайджест — спасение романа vs. Дайджест — уничтожение романа (попури, накрашенный монстр, ампутация).

Таким образом, заложенная Робертом Музилем в основу романа «Человек без свойств» идея эксперимента транспонируется на дискурс Музиля в целом и превращает уже его в объект эксперимента, который продолжается и сегодня. В этом смысле Райх-Раницкий значительно расширил потенциал литературной критики, которая стала вести диалог с учеными-

германистами на равных. В данной связи показательно то значение, которое Мюльдер-Бах в своем грамматикоцентрическом исследовании романа Музиля уделяет использованию автором соединительного элемента *und*. Она считает, что данный соединительный элемент нарративного синтаксиса создает темпоральную последовательность и пространственную констелляцию [Mülder-Bach, 2011, S. 186]. Тем самым это *и* оставляет открытой дверь для продолжения дискурса.

Источники

1. *Bieler M.* Amputation erforderlich. Bilder und Zeiten : Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften / M. Bieler // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1980. — № 290. — S. 2.
2. *Bienek H.* Enzyklopädie alles Österreichischen. Bilder und Zeiten : Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften / H. Bienek // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1980. — № 290. — S. 2.
3. *Bilder und Zeiten* : Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1980. — № 290. — S. 1—2.
4. *Blöcker G.* Ein erzählerisches Laboratorium. Bilder und Zeiten : Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften / G. Blöcker // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1980. — № 290. — S. 2.
5. *Burger H.* Für den totalen Torso. Bilder und Zeiten : Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften / H. Burger // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1980. — № 290. — S. 2.
6. *Härtling P.* Expedition ohne Ende. Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften / P. Härtling // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1980. — № 290. — S. 2.
7. *Jens W.* Notwendige Endlosigkeit. Bilder und Zeiten : Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften / W. Jens // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1980. — № 290. — S. 1.
8. *Koeppe W.* Ein erschreckendes Gebirge. Bilder und Zeiten : Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften / W. Koeppe // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1980. — № 290. — S. 1.
9. *Lenz S.* Kapitulation und Verneigung. Bilder und Zeiten : Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften / S. Lenz // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1980. — №. 290. — S. 1.
10. *Mann G.* Ein gewaltiger Steinbruch. Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften / G. Mann // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1980. — № 290. — S. 1.
11. *Reich-Ranicki M.* Musil 100 / M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1980. — № 259. — S. 25.
12. *Reich-Ranicki M.* Robert Musil. Der Zusammenbruch eines großen Erzählers / M. Reich-Ranicki // Sieben Wegbereiter. Schriftsteller des zwanzigsten Jahrhunderts. — Stuttgart, München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2002a. — S. 155—202.
13. *Reich-Ranicki M.* Vorbemerkung / M. Reich-Ranicki // Sieben Wegbereiter. Schriftsteller des zwanzigsten Jahrhunderts. — Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 2002b. — S. 9—12.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленец А. В.* Языковая манифестация коммуникативной стратегии дискредитации как способа конструирования имиджа политика в виртуальном пространстве (на мате-

риале предвыборных твитов Д. Трампа) / А. В. Ленец, Д. С. Сергеева // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 52. — С. 98—111. — DOI : 10.17223/19986645/52/6.

2. *Федоровская В. О.* Марсель Райх-Раницкий : Жизнь, метод, дискурс : монография / В. О. Федоровская. — 2-е изд. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. — 144 с.

3. *Фуко М.* Археология знания [перевод с французского] / М. Фуко. — Изд. 2-е, испр. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2012. — 416 с.

4. *Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет [перевод с французского] / М. Фуко. — Москва : Касталь, 1996. — С. 47—96.

5. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [перевод с французского] / М. Фуко. — Санкт-Петербург : А-сэд, 1994. — 406 с.

6. *Эйхенбаум Б. М.* Как сделана «Шинель» Гоголя / Б. М. Эйхенбаум // Поэтика : Сборники по теории поэтического языка. — Петроград : 18-я Государственная типография, 1919. — Выпуск 3. — С. 151—165.

7. *Юдина Т. В.* Базовые дискурсивно-семантические фигуры в пространстве литературно-критического дискурса / Т. В. Юдина, В. О. Федоровская // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2019. — № 5. — С. 34—41.

8. *Bonacchi S.* Robert Musils Studienjahre in Berlin. 1903—1908 / S. Bonacchi // Musil-Forum, Beilage 1. — Saarbrücken : Arbeitsstelle für Robert-Musil-Forschung an der Universität des Saarlandes, 1992. — 58 S.

9. *Frisé A.* Unvollendet — unvollendbar? Überlegungen zum Torso des Mann ohne Eigenschaften (1978/80) / A. Frisé // Plädoyer für Robert Musil / A. Frisé (Hrsg.). — Hamburg : Rowohlt, 1987. — S. 157—182.

10. *Gangl M.* Einleitung / M. Gangl, G. Raulet // Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2007. — S. 9—57.

11. *Heydebrand, R. von.* Einführung in die Wertung von Literatur: Systematik — Geschichte — Legitimation / R. von Heydebrand, S. Winko. — Paderborn : Schöningh, 1996. — 406 S.

12. *Hoffmann Ch.* Außenminister Heiko Maas : Mann ohne Leidenschaften [Electronic resource] / Ch. Hoffmann, V. Medick, Ch. Schult // Spiegel Online Plus. — 2019. — 9 августа. — Режим доступа : <https://www.spiegel.de/plus/heiko-maas-mann-ohne-leidenschaften-a-00000000-0002-0001-0000-000165335730>.

13. *Hoffmann Ch.* „Der Dichter am Apparat“ : Medientechnik, Experimentalpsychologie und Texte Robert Musils 1899—1942. — (Musil-Studien ; 26). — Paderborn : Wilhelm Fink, 1997. — 308 S.

14. *Hoffmann Ch.* „Wir schreiben und wir wissen nichts“ : Text und Experiment bei Robert Musil / Ch. Hoffmann. — Psychologie und Postmoderne. — 2000. — № 3. — S. 3—21.

15. *Müllder-Bach I.* Poesie der Grammatik. Texturen des Geistes im Mann ohne Eigenschaften / I. Müllder-Bach // Medien, Technik, Wissenschaft. Wissensübertragung bei Robert Musil in seiner Zeit / U. J. Beil, M. Gamper, K. Wagner (Hrsg.). — Zürich : Chronos, 2011. — S. 173—193.

16. *Wodak R.* Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart, K. Hofstätter, M. Kargl. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1998. — 567 S.

“MUSIL’S DISCOURSE”: SOME ASPECTS OF A LINGUISTIC EXPERIMENT

© **Tatyana V. Yudina (2020)**, orcid.org/0000-0003-2649-0370, Doctor of Philology, professor, Department of Psychology of Language and Foreign Language Teaching, Faculty of Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), twyudina@rambler.ru.

© **Victoria O. Fedorovskaya (2020)**, orcid.org/0000-0002-3255-1750, PhD in Philology, associate professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I. M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenov University) (Moscow, Russia), v.fedorovskaja@inbox.ru.

The article is devoted to the role of experiment in the process of discourse formation as a linguistic phenomenon. The object of the study is the discourse initiated by the largest Austrian writer of the twentieth century, Robert Musil. The aim of the study is a discursive analysis of the philological and literary-critical interpretations of the novel “A Man Without Qualities”, which is a central fragment of the “Musil’s Discourse”. It is noted that the Musil’s discourse unfolding during the century, is formed by numerous participants representing various groups of subjects: literary scholars, writers, cultural experts, psychologists and literary critics. Particular attention is paid to the bipolar structure of the Musil’s discourse as its main characteristic. It is shown that the leading German critic Marcel Reich- Ranicki set a new direction for the development of Musil’s discourse. The results of the analysis of Musil’s discourse at the level of its content, as well as at the levels of strategies and means of implementation are presented. The main strategies of the studied fragment of the discourse are identified — the deconstruction strategy and the conservation strategy, implemented in the tactics of invective, tactics of positive presentation and tactics of support. It is proved that the idea of the experiment laid down by Musil in the basis of the novel “A Man Without Qualities” is transposed to the Musil’s discourse as a whole and turns it into an object of experiment.

Key words: literary work; literary experiment; German studies; literary criticism; Musil’s discourse; discursive strategy.

MATERIAL RESOURCES

- Bieler, M. (1980). Amputation erforderlich. Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 290. (In Germ.).
- Bieneke, H. (1980). Enzyklopädie alles Österreichischen. Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 290. (In Germ.).
- Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften (1980). *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 290: 1—2. (In Germ.).
- Blöcker, G. (1980). Ein erzählerisches Laboratorium. Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 290. (In Germ.).
- Burger, H. (1980). Für den totalen Torso. Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 290. (In Germ.).
- Härtling, P. (1980). Expedition ohne Ende. Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 290. (In Germ.).
- Jens, W. (1980). Notwendige Endlosigkeit. Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 290. (In Germ.).

- Koepen, W. (1980). Ein erschreckendes Gebirge. Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 290. (In Germ.).
- Lenz, S. (1980). Kapitulation und Verneigung. Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften. *Frankfurter Allgemeine Zeitung: gazeta*, 290. (In Germ.).
- Mann, G. (1980). Ein gewaltiger Steinbruch. Bilder und Zeiten: Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 290. (In Germ.).
- Reich-Ranicki, M. (1980). Musil 100. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 259. (In Germ.).
- Reich-Ranicki, M. (2002a). Robert Musil. Der Zusammenbruch eines großen Erzählers. In: *Sieben Wegbereiter. Schriftsteller des zwanzigsten Jahrhunderts*. Stuttgart, München: Deutsche Verlags-Anstalt. 155—202. (In Germ.).
- Reich-Ranicki, M. (2002b). Vorbemerkung. In: *Sieben Wegbereiter. Schriftsteller des zwanzigsten Jahrhunderts*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. 9—12. (In Germ.).

REFERENCES

- Bonacchi, S. (1992). Robert Musils Studienjahre in Berlin. 1903—1908. In: *Musil-Forum, Beilage 1. Saarbrücken: Arbeitsstelle für Robert-Musil-Forschung an der Universität des Saarlandes*. (In Germ.).
- Eykhenbaum, B. M. (1919). Kak sdelana «Shinel'» Gogolya. *Poetika: Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka*, 3. Petrograd: 18-ya Gosudarstvennaya tipografiya. 151—165. (In Russ.).
- Fedorovskaya, V. O. (2017). *Marsel' Raykh-Ranitskiy: Zhizn', metod, diskurs: monografiya*. 2-e izd. Moskva: FLINTA: Nauka. (In Russ.).
- Frisé, A. (ed.) (1987). Unvollendet — unvollendbar? In: *Überlegungen zum Torso des Mann ohne Eigenschaften (1978/80). Plädoyer für Robert Musil*. Hamburg: Rowohlt. 157—182. (In Germ.).
- Fuko, M. (1994). Slova i veshchi. In: *Arkheologiya gumanitarnykh nauk. Perevod s frantsuzskogo*. Sankt-Peterburg: A-cad. (In Russ.).
- Fuko, M. (1996). Poryadok diskursa. In: *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboty raznykh let. Perevod s frantsuzskogo*. Moskva: Kastal'. 47—96. (In Russ.).
- Fuko, M. (2012). *Arkheologiya znaniya. Perevod s frantsuzskogo*. Izd. 2-e, ispr. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya Akademiya. (In Russ.).
- Gangl, M., Raulet, G. (2007). Einleitung. *Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 9—57. (In Germ.).
- Heydebrand, R. von, Winko, S. (1996). *Einführung in die Wertung von Literatur: Systematik — Geschichte — Legitimation*. Paderborn: Schöningh. (In Germ.).
- Hoffmann, Ch. (1997). „Der Dichter am Apparat“: Medientechnik, Experimentalpsychologie und Texte Robert Musils 1899—1942. (*Musil-Studien*; 26). Paderborn: Wilhelm Fink. (In Germ.).
- Hoffmann, Ch. (2000). „Wir schreiben und wir wissen nichts“: Text und Experiment bei Robert Musil. *Psychologie und Postmoderne*, 3: 3—21. (In Germ.).
- Hoffmann, Ch., Medick, V., Schult, Ch. (9 avgusta 2019). Außenminister Heiko Maas: Mann ohne Leidenschaften. *Spiegel Online Plus*. Available at: <https://www.spiegel.de/plus/heiko-maas-mann-ohne-leidenschaften-a-00000000-0002-0001-0000-000165335730>. (In Germ.).

- Lenets, A. V., Sergejeva, D. S. (2018). Yazykovaya manifestatsiya kommunikativnoy strategii diskreditatsii kak sposoba konstruirovaniya imidzha politika v virtualnom prostranstve (na materiale predvybornykh tvitov D. Trampa). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 52: 98—111. DOI: 10.17223/19986645/52/6. (In Russ.).
- Mülder-Bach, I., Gamper, M., Wagner, K. (ed.) (2011). Poesie der Grammatik. Texturen des Geistes im Mann ohne Eigenschaften. In: *Medien, Technik, Wissenschaft. Wissensübertragung bei Robert Musil in seiner Zeit*. Zürich: Chronos. 173—193. (In Germ.).
- Yudina, T. V., Fedorovskaya, V. O. (2019). Bazovyye diskursivno-semanticheskiye figury v prostranstve literaturno-kriticheskogo diskursa. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*, 5: 34—41. (In Russ.).
- Wodak, R., De Cillia, R., Reisigl, M., Liebhart, K., Hofstätter, K., Kargl, M. (1998). *Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In Germ.).